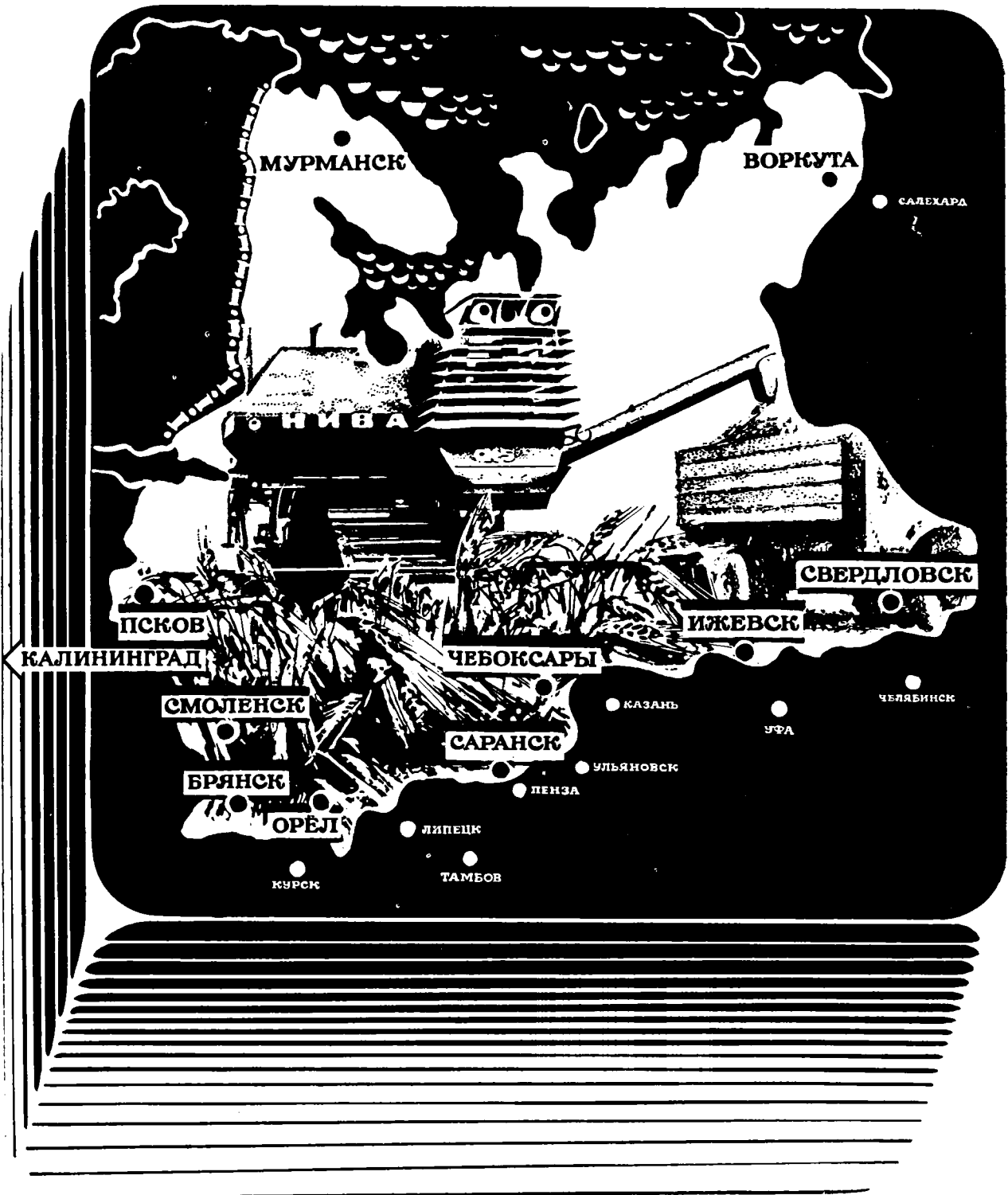

Сергей
Викулов

ВТОРАЯ ЦЕЛИНА

1. ЗЕМЛЯ ГОВОРIT: «МОГУ!»

От Москвы до Вологды медленным поездом восемь часов езды. Отходит он близко к полуночи, и я, укладываясь на нижней полке, никак не отделаюсь от волнения: скоро — родина...

Начинается оно, это свидание, задолго до того, как последний раз лязгнут буфера и поезд остановится у приземистого, старинного вокзала; нет, он еще всю грохочет на стыках рельсов, вагон мотает из стороны в сторону, а справа, по ходу, в окна ослепительно бьет уже поднимающееся из-за леса солнце, недолгая июньская ночь бесследно и быстро растворилась, как капля чернил в реке, и земля вдруг открылась глазам во всей своей красоте начала лета.

Я люблю этот первый миг свидания с родиной, когда весь вагон еще спит, а ты, забывшись, прильнул к окну и глядишь на леса да речки, поля да деревни, глядишь — и не нагладисься, возвращаясь памятью то в детство, то в юность, которые прошли здесь, среди вот таких же, как эти, полей...

Они небольшие, поля моей родины, сжаты со всех сторон то лесами, то мокрыми льдинами, то болотами. Впрочем, как и луга... Правда, луга, чаще на низинах, на берегах рек, утыканы стожарами, закиданы лохматыми шапками кустов. Зеленое и желтое бьет в глаза: всю цветут лютики и запоздавшие в этом году купавы.

А вот речка. Она прихотливо извивается среди лугов, еще полноводная, но уже вошедшая в берега, то там, то здесь поблескивает гнутым сабельным лезвием на зеленом бархате берегов. Тихо смотрится в речку какая-то деревушка, одна из тысяч, еще дымящих по утрам двумя-тремя трубами... Неперспективная... Есть у нашего времени такое слово. Избы поредевших ее посадок разбродны, кривобоки, серы — редко которой не за полвека, каждая почти помнит революцию и совсем хорошо — коллективизацию...

Чуть на отшибе, но тоже на берегу, — то ли коровник, то ли телятник, — по нынешним меркам маленький, так и не дождавшийся механизации, — не случайно нет к нему ни дороги, ни тропинки, глазницы окон пусты, а вместо крыши — неупавшие еще стропила.

Не устояла деревушка (интересно, как ее имя?), не сдурила даже тут, у железной дороги... Что уж говорить о тех, в глубине лесов, за тридцатью тремя волоками. Все меньше и меньше остается их, некогда шумных и многолюдных. «В праздники было не протолкнуться», — обязательно вспомнят в такой деревне.

И диво — всем хватало дела: и взрослым, и ребятишкам... А ребятишек было в каждой

избе — хоть в две шеренги выстраивай. И это вполне понятно: земля, которой кормились деревушки, требовала рук да рук, и мужики не тужили, если в избе скрипел и скрипел оцеп, раскачивая зыбку. Помощники росли. Ну и, само собой разумеется, — наследники.

Было все это... И на всю жизнь осталось в твоей памяти. Да и в твоей ли только? Сколько таких, как ты, едут, плывут, летят из далекого далека к своим деревушкам, в разных чинах и званиях, но с одинаковым грузом дорогих воспоминаний о своей малой родине, рубленой избе, о тропинках и полевых дорожках, сбегаящихся у ее крыльца. Приезжают — и не узнают свою деревушку: совсем крохотной стала и почти безлюдной. И это особенно удручает: ведь помнят, что в тридцатых годах в деревне был колхоз, и не такой уж маленький... Теперь же в нескольких ее избушках доживают свой век старики — и все.

Где те люди — пахари, пахарей сыновья? Разъехались? Да. Но одним этим словом слышавшееся не объяснишь. Уехали те, кто помоложе, те, что выросли уже после войны. На Череповецком металлургическом гиганте, взметнувшем трубы в вологодское небо в послевоенные годы, куда ни пойдешь, встретишь выходца из такой вот деревушки. А где отцы этих парней, их старшие братья? Погибли. В моем родном сельсовете, например, объединявшем в войну всего 6—7 маленьких деревушек, убитых — 112 человек. Учительница А. И. Столярова со своими учениками составила точный список погибших и сейчас хлопочет о памятнике героям-землякам, пилит с ребятами дрова, откладывает понемножку на памятник... Трех деревушек в нашем сельсовете уже нет, оставшиеся сильно поредели... Впрочем, как и в соседних сельсоветах. Не диво, что далекие гости вздыхают, видя такое, хотя умом и понимают, что старой деревне пришел конец, что само время, так сказать, подвело черту под ее многовековой историей, а сердцем никак не могут примириться с этим. Болит сердце, грызут его сомнения: а ладно ли все это? Не преждевременно ли? Что будет с землей, когда этих деревушек не станет, дотянутся ли до нее руки из тех, перспективных сел, центров современных крупных колхозов? А если дотянутся, то скоро ли? Ведь лес — вечный противник северного крестьянина — не дремлет. Чуть отвернись — он уже по пашне топает, а по лугам бегом бежит... И далее: сколь многолюдны будут они, перспективные села, смогут ли они собрать под свои крыши всех тех, кто им сейчас дозарезу нужен (в Вологодской области сейчас насчитывается 10,5 тысячи деревень, а должно остаться тысячи полторы), или эти люди сни-

мутся с места и прямым ходом, минуя центр колхоза, в котором пока еще не построено ни одного современного дома, отправятся на поиски счастья в другой стороне?

А животноводство? Коров тоже, выходит, надо собирать в кучу. Вместо десятков помещений на 50—100 голов (и это считалось достижением), разбросанных по нынешним деревням, должны появиться современные механизированные комплексы на 400—1200 голов. В том, что будущее за ними, едва ли кто сомневается. Но ведь их еще надо построить... И при всем при том не допустить снижения надоев.

Честно говоря, обо всем этом не без тревоги думал и я, глядя через окно вагона на мелькавшие передо мною поля, луга, леса и деревни родного края. И еще я думал: как хорошо, что партия и правительство приняли это взволновавшее моих земляков постановление «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства нечерноземной зоны РСФСР». За предстоящие 10—15 лет обширный край извечно нелегкого земледелия, край тысяч деревушек и хуторов, отрезанных друг от друга бездорожьем, должен в корне преобразиться. Шире должны стать поля (и, конечно, плодороднее!), проезжими дороги, а мелкие деревушки — наследие исчерпавшего себя единоличного и немеханизированного поначалу колхозного земледелия — должны исчезнуть, чтобы возродиться в виде крупных сел, в которых было бы все для нормальной жизни человека, для удовлетворения его материальных и культурных потребностей.

Области Нечерноземья — это, как всем известно, самая сердцевинная часть России, да и не только России — всей нашей Родины. Так уж исторически сложилось, что именно эти области наиболее густо застроены большими городами с бурно развивающейся в них промышленностью. А заводы и фабрики — это не только станки, это — люди. Их надо кормить. Одно дело — везти в Ленинград или Череповец продукты сельского хозяйства из Крыма, например, или с Северного Кавказа, и совсем другое — из примыкающих к этим городам колхозов и совхозов. Кто-то скажет: «Хорошо бы так-то... Но что вырастет под Ленинградом и Череповцом? Что ни говори, а это все-таки и не Крым, и не Кавказ».

Что ж, сомнения вполне резонные. Речь идет, по сути, о возможностях земель Нечерноземья. Каковы они? Этим вопросом в первую очередь задался и я, приехав снова на родину.

Итак, земля, ее возможности.

Да, нечерноземная, да, нелегкая: поля, как я уже говорил, мелкоконтурные, неровные, сплошь да рядом — каменистые... Не

странно ли: ни одной горы на тысячи верст кругом — и камни... Это, как говорит наука, следы ледников. Они притащили нам эти «подарочки» со Скандинавии в так называемый «ледниковый период».

Нелегкая земля, что верно то верно. Но в смысле плодородия не безнадежная. И это не просто слова, это реальность, многократно подтвержденная, доказанная самой же землей. Именно на этой доказанности и основано постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Конечно, наша земля более трудоемкая, чем земля Кубани, например, или Украины, но это тоже временно, потому что по мере освоения этой земли, окультуривания ее (о чем речь пойдет ниже) трудоемкость ее будет постепенно выравниваться, приближаться к средней по стране.

Об этом говорит опыт передового на Вологодчине колхоза «Родина», которым вот уже многие годы руководит Герой Социалистического Труда М. Г. Лобытов. Поля этого колхоза вплотную примыкают к Вологде, центр его расположен всего в 12 километрах от города и связан с ним асфальтом. Ничего необычного, сверхъестественного в этом колхозе не делается, он просто побольше, чем другие колхозы, получает помощь от областных организаций — не сверх всякой меры, а приблизительно столько, сколько должны были бы получать (и наконец получат!) все колхозы. С этой точки зрения колхоз «Родина» — хозяйство, как говорят, не типичное для Вологодчины, и нет ничего удивительного, что председатели других колхозов, когда им ставят в пример достижения «Родины», не особенно смущаются: «Дайте нам столько же техники, удобрений, кредитов — и мы не хуже «Родины» сработаем».

Лично меня такие ответы не только не огорчали, а, наоборот, радовали. Они еще и еще раз подтверждали, что земля наша таит в себе огромные потенциальные возможности и намеченная партией гигантская комплексная программа ее обновления даст — обязательно даст! — свои результаты. Наглядным подтверждением этому — поля колхоза «Родина». Урожай зерновых в этом колхозе достиг 38,3 центнера с гектара! Те, кто хоть немного смыслит в сельском хозяйстве, знают, что это хорошо даже для Кубани. Вот вам и Нечерноземье, да еще не в самой благоприятной для него точке — на Вологодчине!

За счет чего колхоз достиг такого неслыханного в наших местах урожая? Ведь еще в пятидесятых годах большинство колхозов, и «Родина» в том числе, собирало по 5—7 центнеров с гектара.

В первую очередь за счет мелиорации земель — основного звена намеченной программы ускоренного развития сельскохозяй-

ственного производства нечерноземной зоны, как подчеркивается в постановлении. На землях этого колхоза, раньше, чем на других, сразу после майского (1966 г.) Пленума ЦК КПСС были начаты мелиоративные работы. И уже к 1969 году в «Родине» к севообороту приплюсовалось 535 гектаров ранее пустовавших земель. К концу 1973 года эта площадь увеличилась уже до 1119 гектаров, из них 893 гектара были осушены закрытым дренажем и 226 — открытым.

Если до мелиорации эти гектары давали в общей сложности 8980 рублей дохода (использовались под пастбища), то после мелиорации — в 1973 году — они дали уже 263 тысячи рублей, то есть почти в 30 раз больше. Затраты, сделанные на мелиорацию, окупились через 4 года.

Известно, что аппетит приходит во время еды. Колхоз присмотрел еще ряд площадей, пригодных для мелиорации, а это ни мало ни много — 900 гектаров, и, таким образом, в скором времени в «Родине» будет 2000 гектаров мелиорированных, то есть приплюсованных к имевшейся пашне новых земель, что составит 33 процента всех сельскохозяйственных угодий колхоза.

И вот что интересно: мелиорированные земли, оказывается, это не только прибавка к посевной площади и к урожаю, но и... Впрочем, по порядку. Все знают, какая была в 1974 году весна. Дожди, заморозки и даже снег — чуть не до конца мая. А на Вологодчине все это вылилось в сущее бедствие. Кончались самые оптимальные сроки сева, а на поля нельзя было не то что заехать с сеялкой, даже ступить ногой. И это на старые поля, традиционно расположенные на холмах. А на мелиорированных, как это ни парадоксально, можно было сеять! Мелиорация показала себя с самой лучшей стороны даже в таких тяжелейших, как нынешней весной, условиях.

М. Г. Лобытов пригласил меня посмотреть на мелиорированные поля, благо до них рукой подать: нужно лишь спуститься от центральной усадьбы (она на холме) вниз к железной дороге Москва—Вологда, и там, за переездом, они сразу и начинались. Я помнил эту низину, вечно неприглядную, покрытую кочкарником, кустами, мелколесьем, зажатую между железной дорогой и торфяным болотом, на котором вот уже десятки лет город добывает торф на топливо. Самое большее, что там можно было увидеть еще 6—7 лет назад, — это небольшое стадо коров и телят, скучно передвигавшихся по набитым между кочками торфянистым тропкам. Зато теперь...

Мы вылезли из машины. Справа и слева — высоченная, густая, вот-вот готовая зацвести — тихо шелестела рожь.

— 536 гектаров! И все — вот такая! — с гордостью, как счастливый родитель о любимом чаде, сказал председатель. — Ну, конечно, минеральными подкормили... Пока только минеральными, навоза этому полю еще ни грамма не давали. И вот — любуйтесь!

Он поглядел с хитроватым прищуром на меня и спросил:

— Сколько, вы думаете, даст эта ржица?

Я не очень умею на глаз определять урожайность и, помедлив, неуверенно ответил:

— Центнеров двадцать пять, пожалуй...

— Не продадим! — решительно бросил Михаил Григорьевич. — Тридцать пять возьмем — не меньше! Приезжайте осенью — увидите...

— Да, тридцать пять будет, — согласился секретарь парткома Трифонов, он тоже был с нами.

Следующее поле — ячмень «отра». Раннеспелый. Михаил Григорьевич поясняет:

— Сеяли седьмого мая, когда ни на одном поле сеять было нельзя, — и многозначительно добавляет: — Понимаете? Только здесь! — и поворачивается к полю: — А это — ячмень сорта «приекульский», тоже раннеспелый. Посмотрим, который лучше себя покажет, тот и получит прописку. — И опять: — Сколько дадите?

— Центнеров тридцать пять, — говорю я.

Михаил Григорьевич снова торжествующе отвечает:

— Не продадим! Сорок пять возьмем! Со всех 64 гектаров!

«Фантастика!» — думаю я про себя. И это на нашей земле! А Михаил Григорьевич, кажется, привык уже к таким цифрам, хотя, вижу, доволен и до ликования влюблен в это поле — ровное, широкое, по-молодому сильное...

— Вы посмотрите, какой простор! А ведь два года назад лес тут был. Коричневая торфяная жижа хлюпала под ногами.

За полем ячменя шли многолетние травы — клевер с тимофеевкой. Затем — лен. Ровные, хотя и робкие еще строчки всходов, но и по ним председатель определяет далеко не рядовой урожай тресты и льносемян:

— 250 гектаров льна у нас в этом году. Но мы теперь не дрожим за него, как раньше. Теперь основные доходы у нас не от льна, как было (лен мы даже могли бы теперь забросить), а от животноводства. Один миллион восемьсот тысяч рублей получили в 1973 году. Это результат того, что привели в порядок землю. Одними из первых в области, если не первыми, оборудовали долголетние культурные пастбища, частично орошаемые, стали выращивать капустно-брюквенный гибрид, а он дает нам в среднем 460 центнеров с гектара сочного корма. Что это значит, вы поймете, если я скажу, что средний уро-

жай картофеля, и то не везде, 150—200 центнеров с гектара. Почти в три раза уступает картофель капустно-брюквенному гибриду!

Сейчас мы держим около 1000 коров. В следующей пятилетке можем увеличить стадо до 1600 голов. Можем, если решим проблему пастбища. На такое стадо нужно иметь не менее 800 гектаров культурного пастбища из расчета 50 соток на корову. И вообще, если у нас — я имею в виду все колхозы — не будет заранее подготовленных культурных пастбищ, крупные животноводческие комплексы могут принести нам не радость, а слезы. Но где взять столько земли? Именно вокруг центральных поселков, на которых будет сосредоточен молочный скот? Выход один — мелиорация и ввод в строй новых земель! И плюс орошение культурных пастбищ.

В колхозе «Родина» этот «козырь», как я понял, уже брошен на стол... А как в других хозяйствах?

На следующий день я побывал в совхозе «Красная Звезда». Здесь мелиорировано 2200 гектаров. Получено по 26,7 центнера зерна с гектара, почти в два раза больше, чем в среднем по области. Кроме минеральных удобрений совхоз вывез на мелиорированные поля по 20 тонн торфа на гектар. Как и в «Родине», здесь тоже большое стадо коров айширской породы, вывезенных из Финляндии. Жирность молока у айширов достигает 6 процентов против 3,5 процента у местных, черно-пестрой породы, коров. Как обстоят дела с пастбищами здесь?

— Поедемте посмотрим, — ответил директор совхоза.

И вот что мы увидели. Коровы паслись в одной из «клеток» культурного пастбища. На полевой дороге, у открытого прохода в «клетку», стояли две цистерны с автопоилками. Коровы, когда им вздумается, подходили к автопоилкам, неторопливо пили и сами, без понуканий пастуха, возвращались в «клетку» на траву. А трава в «клетке» росла отменная. Пастбище это, оказывается, не простое — поливное. В первый раз видел я подобное на Вологодчине и, естественно, попросил директора совхоза рассказать об этом подробнее.

— Пастбище, как видите, разгорожено на «клетки». Коров в «клетку» запускаем на три дня. Потом траву подкашиваем, вернее, выравниваем, так как коровы ее выедают неравномерно. Тут же эту площадь подкармливаем минеральными удобрениями и поливаем. Вот трубы для полива. Они очень легкие, быстро собираются и разбираются, так что их нетрудно перебросить с одного участка на другой. А воду берем из ручья. Он небольшой, и чтобы создать запас воды, соорудили земляную плотину. Вот и вся премуд-

рость. Однако за счет нее вместо трех стравливаний за пастбищный период мы делаем пять. А это на полторы-две тысячи кормовых единиц больше, чем на обыкновенных культурных пастбищах.

Позже я выяснил, что в области есть и еще ряд хозяйств, имеющих значительные площади мелиорированных земель. Так, в колхозе «Заря» Шекснинского района только закрытым дренажем осушено 900 гектаров. И именно мелиорированные поля дали и здесь самые высокие урожаи — 24 центнера с гектара. «Заря», убедившись в силе мелиорации, составила проекты на осушение еще 1500 гектаров. Кроме того, путем раскорчевки кустарников и мелколесья с одновременным выравниванием кочек она введет в оборот еще 3500 гектаров. С прибавлением этих площадей колхоз рассчитывает увеличить производство молока в 5 раз.

Вот что такое мелиорация для вологодских колхозов, вот какие резервы таит она в себе!

Однако, отдавая должное мелиорации, я не могу не сказать в связи с ней и несколько горьких слов. Как и всякое новое дело, мелиорация требует к себе и внимания, и заботы. Она сама по себе еще ничего не решает, она лишь создает благоприятный фон для использования всех факторов повышения урожайности. И тот, кто считает, что улучшенный, мелиорированный гектар ни в чем больше не нуждается, что он будет родить и так, глубоко ошибается. Ему, как и другим площадям, нужны удобрения! И, может быть, даже в первую очередь потому, что отдача здесь будет более полная.

И самое главное: нужен уход за осушительной системой — и открытой, и закрытой. Там, где это поняли, мелиорированные гектары «работают» с полной отдачей и, наоборот, «бастуют», где об их «внутренней» системе забыли, едва засыпали ее землей. И вот результат: в ряде районов Вологодчины с осушенных площадей урожай зерновых получают ниже среднеобластного... Это очень тревожный факт. Ведь мелиорацию мы считаем основным звеном намеченной программы улучшения земель Нечерноземья, и если это звено не работает, что же тогда получится?

Таким образом, хлопоча о мелиорации все новых и новых площадей, руководители хозяйств прежде должны научиться ухаживать за осушительными системами, должны подготовить для этой цели специальные звенья. Иначе огромные затраты, которые производит государство, осушая земли Нечерноземья, не принесут нам ожидаемых результатов.

Чтобы дать представление о размахе предстоящих работ по мелиорации, приведу не-

которые цифры. За весь 1973 год в Вологодской области было введено в оборот 10 тысяч осушенных гектаров. За десятую пятилетку предстоит мелиорировать 120 тысяч гектаров. Каждый год придется осушать уже не 10, а 24 тысячи гектаров. Это немало, если учесть, что мощность мелиоративных отрядов, работающих сегодня на землях Вологодчины, пока невелика, в чем я убедился, побывав в одном из самых средних районов области — Белозерском.

Из общей площади сельскохозяйственных угодий в этом районе две трети занимают луга и пастбища. Но поскольку до 1966 года мелиоративные работы, можно сказать, не проводились (у колхозов не было ни мелиоративной техники, ни средств для оплаты работ), то более половины сенокосов, например, избыточно увлажнены и заросли лесом и кустарником. Заросли лесом и значительные, не поддающиеся учету площади пастбищ, в том числе бывшие пашни вокруг исчезнувших или исчезающих (неперспективных) деревень. Пашни эти, как правило, мелкоконтурные и потому неудобные для обработки современной техникой. К тому же нет к ним в большинстве случаев никаких дорог: трактор гусеничный, может быть, еще как-то и проберется, а машина — нет... Комбайн — тем более...

В общем, можно было бы и не сокрушаться по поводу зарастания мелких полей вокруг бывших отдаленных деревень, если бы... если бы другие поля были не такими. А между тем бесстрастная статистика говорит вот о чем: средний контур пашни до 1966 года составлял 2,3 гектара при значительной засоренности камнями. За 8 лет после майского (1966 года) Пленума ЦК КПСС в районе было мелиорировано закрытым дренажем только 473 гектара, а на старых полях проведены кое-какие культуртехнические работы. Однако эти очень незначительные по своим масштабам работы пока не изменили существенно качественное состояние сельскохозяйственных угодий. По состоянию на 1 ноября 1973 года размер контурности увеличился лишь до 3 гектаров. За этой средней цифрой кроется следующее: 2240 контуров пашни имеют площадь до 1 гектара; 3311 контуров — от 1 до 5; 483 контура — от 6 до 10; 189 контуров — от 11 до 25 и только 47 контуров — от 26 до 50 гектаров.

Хочу обратить внимание читателей на первые две цифры: 2240 и 3311... В общей сложности 5551 поле размером от полугектара до пяти. Можно ли при такой контурности полей говорить об эффективном применении техники? Нельзя. Вывод напрашивается сам собой: нужно провести срочные работы по увеличению размеров контурности. Мелкие поля здесь, как правило, разделены то ли

сырой, залесенной лядиной, то ли болотистой луговиной, то ли межой, на которую крестьяне испокон складывали камни. Топором или лопатой тут ничего не сделаешь. Зато бульдозеру, канавокопателью, камнеуборочной машине тут, по сути, только начать да кончить. Но если бы они были! То есть они вообще-то есть, наша промышленность эти машины выпускает, но в белозерских колхозах их пока очень мало, а объем предстоящих работ огромен: на 14,5 тысячи гектаров сельхозугодий нужно провести осушение, на 18 тысячах — корчевку и уборку набравшего уже силу леса и кустарника, на 12 тысячах — уборку камня и на 6 тысячах гектаров — увеличение контурности полей.

Если эти работы будут производиться такими же темпами, как до сих пор, если не будет резко увеличено количество мелиоративной техники, то осушение земель в районе завершится лишь через 50—70 лет, а культуртехнические работы — через 25—28 лет. Добавлю, что одновременно с этим придется выделить немало техники на известкование кислых почв, и особенно на заготовку и вывозку на поля торфа или торфонавозных компостов.

А между тем в связи со сселением многие поля как бы отдалятся. И, чтобы попадать на них с торфом ли, с сеялкой ли, с комбайном, нужны внутриколхозные дороги, хотя бы грейдерные, хотя бы по главным направлениям. Колхоз имени Ленина, убедившись в этом, уже строит их, уже построил 16,5 километра, вложив в каждый километр по 30 тысяч рублей.

Обо всем этом мне удалось переговорить с работниками руководящих и планирующих организаций области. Меня порадовало уже одно то, что они вполне представляют себе трудности, которые во всей неотвратимой реальности встанут сейчас перед хозяйствами области в связи с программой мелиорации. В расчете на дополнительно поставленную технику область планирует создать 6 мощных опорных баз для мелиоративных передвижных механизированных колонн (ПМК). Но уже одно название этих колонн — передвижные — выдвигает еще одну, не менее острую проблему — организацию быта механизаторов. Находясь в отрыве от семьи, мелиораторы нередко не обеспечены ни достаточно удобным жильем, ни нормальным питанием. В результате — огромная текучесть кадров. Ее надо избежать. Над этим сейчас думают и областные организации, и районные.

Думают в Вологде и о технической оснащенности ПМК. Планируется увеличение мощностей Вологодского завода по ремонту мелиоративной техники и Сокольского завода по производству керамических трубок,

без которых невозможен закрытый дренаж полей.

В общем, мелиорация, как основное звено, заставляет думать и думать, и не только деревню, но и город. И это вполне закономерно: только общими усилиями всего народа, всей страны можно решить эту нелегкую, но давно назревшую задачу облагораживания земель Центра России.

2. НА ЗЕМЛЕ ИЛИ НАД ЗЕМЛЕЙ!

Итак, на повестке дня деревень Нечерноземья (в первую очередь северной его части) — сселение и, как следствие, строительство новых современных по всем параметрам сел. Надеюсь, сегодня все понимают, что эта, историческая по своему значению, перестройка деревни — не самоцель. Крестьяне этих областей России веками жили в своих рубленых избах и, если бы понадобилось, пожили бы, наверно, и еще... Но в том-то и дело, что такой образ жизни, такой уклад ее пришел в непримиримое противоречие с уровнем механизации сельского хозяйства, с духовными и культурными потребностями самих людей и сдерживает дальнейший рост сельскохозяйственного производства.

Таким образом, сселение диктуется в первую очередь интересами производства, которое сейчас поднялось на качественно новую ступень, ранее деревне недоступную.

Сселяться или не сселяться? — таким вопросом сейчас даже никто не задается: ответ слишком очевиден...

Поэтому и я свой разговор с одним из областных работников, ведающих строительством на селе, начал вот с таких слов:

— Какой была деревня — я знаю. Какой она будет — хочу знать.

Мой собеседник вскинул брови, округлил глаза:

— А что тут, собственно, знать?! Будут не деревни, а села — одно-два на колхоз или совхоз... Квартирны со всеми удобствами.

— В каких домах?

— В новых, разумеется...

— Вот о новых домах в новых селах мне и хотелось бы кое-что узнать: какими они будут — кирпичными, панельными, деревянными? Одноэтажными или двух-, пятиэтажными? Кто будет их строить: каждая семья свой дом или колхоз (совхоз) для каждой семьи? Будет ли житель новой деревни держать корову, заниматься огородничеством, как испокон, или захочет в квартире «со всеми удобствами» жить по-городскому? А если все-таки будет, то где вы думаете поставить сарайку для его скота, выделить участок для сада-огорода? Наконец, жителя деревни невозможно представить без запасов впрок. Где он будет хранить картошку, бочки с ка-

пустой, огурцами, грибами, банки с соленьем и вареньем? И еще — простите за дотошность — где он будет сушить одежду и обувь, вернувшись с поля в ненастье?

К сожалению, ведающий строительством товарищ обо всем этом достаточно ясно представления не имел, и я решил попытаться на сей счет саму жизнь. Но и жизнь — скажу заранее — однозначных ответов на мои вопросы не дала, она лишь предложила варианты их, предоставляя выбирать лучший.

Начну свой рассказ опять-таки с колхоза «Родина», что под Вологдой. Здесь, в центре колхоза, в деревне Огарково, за последние полтора-два десятка лет вырос многоэтажный поселок городского типа. Есть, правда, в нем улочка деревянных домов — с них поселок начинался, — но в основном тут двухэтажные (по 12—16 квартир) дома, есть один пятиэтажный (на 70 квартир) и один четырехэтажный (на 53 квартиры). В ближайшем будущем начнется строительство еще пяти многоквартирных домов.

Кроме жилых домов, в поселке уже построено большое здание, в котором разместились и клуб с библиотекой, и правление колхоза. Рядом с ним — школа, детский комбинат, магазин, столовая, спортивный комплекс, котельная...

Квартирны во всех домах, кроме деревянных, со всеми удобствами.

Колхозники, по словам председателя М. Г. Лобытова, вполне довольны таким жильем, хотя, оговорился он, не отказались бы и от индивидуальных домов, если бы в них были все те удобства, какими располагают многоквартирные дома.

Скот в новом поселке держат в основном пожилые люди («Привычка!»), молодые же о коровах не хотят и слышать. Однако свиней и овец держат многие, но, откормив, продают государству (закупочные цены почти равны рыночным), мясо же для себя покупают в магазине: выгодно!..

Зато от земли не отказывается никто: каждая семья за чертой поселка имеет 3 сотки — это садовый, или, как здесь уже можно услышать, дачный участок. На нем ягодуники (клубника, смородина, малина, крыжовник), яблони и, по примеру горожан, домики, в котором можно не только сложить садовый инвентарь, но и переночевать, если захочется, «на свежем воздухе».

Картофель, капуста — на общем для всех участке, который пашется трактором — для экономии времени.

М. Г. Лобытов уверяет, что в многоэтажные дома просятся даже те, кто живет пока в избах, порой даже не очень старых. «И мы хотим пожить по-человечески», — говорят заявители.

Таким образом, этажность, как мы ви-

дим, здесь колхозников не пугает. Не пугает и возникающее в связи с нею неудобство в уходе за скотом, потому что все здесь накрепко уверовали в магазинное молоко.

Что касается хранения картофеля и овощей, приспособляются кто как может. Некоторые роют погребки на дачных участках, другие — ямы в сарайках, третьи пользуются подвалами... Неудобно. Но зато не возиться с дровами. Но зато — горячая и холодная вода, теплая уборная...

Примерно такой же поселок — центр совхоза «Дубки» — показали мне под Ярославлем. Правда, здесь, в отличие от вологодской «Родины», строительство началось не с деревянных домов, а с кирпичных двухквартирных, но кончилось тем же — 8—16-квартирными домами — их в поселке большинство, — а сейчас готовятся к заселению уже два 80-квартирных дома.

Сарайки здесь построены между домами или сзади них. Выделенная для каждой семьи «клетушка» под общей крышей явно мала: если в нее поставить корову или поросенка, то некуда девать картошку, капусту, огурцы. Большинство в этих клетушках, как и в «Родине», роют ямы, бетонируют их и таким образом получают нечто вроде погреба. Для скота же пристраивают рядом закутки из самых разных, добытых где попало, материалов, и сейчас первоначальные сарайки совсем пропали среди нагромождений закутков для скота, загородок для кур.

Садовые (дачные) участки, и тоже с домиками, как и в колхозе «Родина», — за чертой поселка. Любопытная деталь: хотя все они за общим забором, тем не менее отгорожены друг от друга. Зачем? Пояснили бабушки: «Ребятишки балуют... Кабы перед глазами — не посмели, а там разве углядишь?»

Мелочь? Да. Но не такая уж безобидная, чтобы не портить человеку настроение...

Но вот мы вышли на улицу, с которой начинался поселок. Справа — посад одноэтажных кирпичных домов. Перед каждым домом — палисадник, в нем — две калитки к двум крыльцам. Крыльцо — три ступеньки. С нижней нога ступает прямо в сад. Я не оговорился: именно в сад, потому что здесь все, как в саду, — и плодовые деревья, и ягодники, и цветы, и даже ульи. В глубине сада, уже за его границей, — деревянный сарай, как и дом, на две семьи, значительно более просторный, чем те, из кирпича... А главное, его не видно, он скрыт зеленью сада. В сарае есть место и для скота, и для всякого скарба, которого в крестьянском обиходе скапливается невесть сколько; а погреб здесь не проблема: дом одноэтажный, под полом — земля. Устраивай что хочешь.

Еще раз оглядываюсь кругом. Замечатель-

но! Как приятно, наверное, возвратясь с работы, посидеть вот на той скамеечке, в тени деревьев, поостыть, выкурить сигарету, потом босиком пройтись между грядками, порадоваться пружей из земли зелени, потом взять вон тот шланг, присоединенный к торчашему из стены крану (удобно, не надо ведрами таскать), и полить огурцы, помидоры, цветы. После пройти с дымарем к пчелам, достать тяжелую рамку и отведать свежего меду...

«Тут, как говорится, живешь в свое удовольствие», — сказал мне хозяин садика в ответ на мой вопрос: переехал бы он в новый, 80-квартирный дом, если бы ему предложили? И продолжил: «Не только я, никто не поедет! А из тех, многоквартирных, только свистни — любой!»

И, однако же, как я уже говорил, в новых селах, особенно пригородных, дома строятся преимущественно многоэтажные — пока не выше пяти этажей... Такими домами застраиваются центральные усадьбы расположенных под Вологодой совхозов «Красная Звезда», «Плодопитомнический», колхоза «Передовой», двух птицефабрик...

К сожалению, ничего сельского в облике этих поселков нет: те же стандартные городские дома-коробки, только поставленные среди полей и лугов. Ни издали, ни вблизи они не радуют глаз, не смотрятся: как будто взяли современный городской квартал и перенесли целиком в поле. Невольно недоумеваешь: зачем?

Видимо, это недоумение посетило не только меня. И в самом деле, ведь эти городские кварталы в полях не на десять и не на двадцать лет, и будущие землеробы (а они не переведутся, пока люди будут есть хлеб!) едва ли будут удовлетворены ими. Селянин захочет — и будет прав! — воспользоваться преимуществом, которое дает ему это звание — жить на земле, а не над землей.

С этим соглашаются все. Но тут же добавляют: дорого и долго.

Веский аргумент, и не считаться с ним нельзя: квартиры в пятиэтажном доме, конечно, значительно дешевле коттеджей и даже двухквартирных домов... И во времени тоже выигрыш — кто станет спорить! А строить — жизнь требует — надо быстро, потому как, если есть квартиры, то, значит, есть и люди в колхозе. Это уже доказано самой жизнью.

Спрашивается, где же выход? Может быть, в некоем компромиссе? Что ж, возможно. А это означает: надо искать, экспериментировать, создавать проекты жилых домов специально для села, и не только домов — целых архитектурных ансамблей.

В Вологде — да и не только в Вологде, как я слышал, — так и поступили. Для экспери-

мента был выбран колхоз «Заря» Грязовецкого района, расположенный, как говорят, на асфальте, то есть на дороге (в данном случае Вологда—Ярославль). Дорога — первое условие подобного строительства: слишком много строительных материалов надо завезти!

Стройка близится к завершению. И я ее видел. Со стороны экспериментальное село смотрится неплохо. Дома в основном двух-, трехэтажные, с лоджиями, два — в центре — в виде башенок — четырехэтажные. Сельские улочки удачно расположены по отношению к школе, клубу, дому быта, административному зданию и образуют в центре просторную и красивую площадь.

Пытались проектировщики решить и другие, связанные со спецификой сельской жизни, проблемы: для личных коров, например, они предложили общий двор с отделением для приготовления кормов. Насколько это приемлемо, покажет жизнь. Для хранения картофеля и овощей предусмотрели более глубокие и благоустроенные подвалы в жилых домах, хотя и неизвестно, будет ли в них нужный температурный режим.

Рядом с экспериментальным селом, в 1,5—2 километрах, стоят две, еще довольно многолюдные деревни: подгородние — они все такие. Председатель «Зари» не намерен сносить их — наоборот, думает расширять, потому что в кирпичных домах квартир для всех не хватит. А, кроме того, хочет еще посмотреть, как оно и что...

Знакомясь с поселками городского типа, отдавая им должное, я ни на минуту не забывал, что их существование в известной мере объясняется близостью к городу, что строили их мощные подрядчики из Вологды и Ярославля, каких ни в одном глубинном районе (а Вологодская область, например, с запада на восток раскинулась на 700 километров) нет еще и, наверное, в ближайшее время и не будет.

Надо было поехать в «глубинку», и я поехал, выбрав средний по всем показателям Белозерский район.

Строительство здесь, как и в других районах, ведет только «Межколхозстрой». Его мощность — 2 миллиона рублей в год. Много это или мало — станет ясно, если я скажу, что сметная стоимость одного животноводческого комплекса — 3 миллиона рублей, а таких комплексов уже теперь, безотлагательно, в районе должно быть построено два. Белозерскому «Межколхозстрою», если он ничего больше строить не будет (ни одного дома ни в одном колхозе!), этой работы хватит на 3 года, а может, и на 4, так как на сегодняшний день техникой он обеспечен на 80 процентов (не хватает экскаватора, 4 са-

мосвалов, 2 грузовых машин), а рабочей силой — на 50 процентов. Если бы не бригады «шабашников» из Закарпатья, Грузии и других южных краев, строительство вообще было бы вести невозможно.

Для того чтобы Белозерский «Межколхозстрой» мог, наряду со строительством комплексов, вести и жилищное строительство (а строить еще нужно и школы, и клубы), он должен увеличить свою мощность минимум в 2—3 раза. Соответственно должно увеличиться и снабжение строительными материалами, и в первую очередь цементом и шифером, которых «Межколхозстрой» и по нынешним мизерным нормам из года в год недополучает. Кирпич, правда, у него скоро будет: в этом году вступает в строй межрайонный кирпичный завод в Вашках мощностью 10—12 млн. кирпичей в год.

А жизнь не ждет. Все острее необходимость переселения людей из мелких деревень в центры колхозов, где и дворы, и техника... А главное школы! В обезлюдивших деревнях (в большинстве!) школы, даже начальные, уже закрылись или будут закрыты в ближайшие годы. В Белозерском районе, например, осталось всего 33 начальные школы (на 6 деревень — одна), и в каждой в новом учебном году будет в среднем по 14 учащихся, то есть по 5 учеников в классе. Семьи, в которых есть дети школьного возраста, спешат переехать в село: беспокойно все-таки отправлять ребят за 3—5 километров по осеннему бездорожью или зимой, когда метет, в школу. В самый бы раз отвезти их на лошадке или на мотоцикле, но не в каждой деревне теперь есть лошадь, а мотоцикл (как и бензошину) не купишь, промышленность, к сожалению, не учитывает нужды селян северных деревень...

Одним словом, люди переезжают. И строятся на новом месте. Но как?

Покажу это на примере белозерского колхоза имени Ленина.

Не имея возможности обеспечить жильем всех переезжающих, колхоз, как может, поощряет индивидуальное строительство. Переезжающему выдается безвозвратно 450 рублей (подъемные!), выделяются трактор для перевозки дома — тоже бесплатно, какой-то строительный материал (цемент, кирпич, шифер, вагонка, половая шпунтованная доска...) и люди — для помощи. Время, затраченное ими и самим переезжающим на строительство, засчитывается как работа в колхозе.

Воспользовавшись указанными льготами, за последние два года переехали на центральную усадьбу 12 хозяйств.

В это же время шло строительство жилья и за счет колхоза. Строились деревянные

двухквартирные дома. Снаружи они более чем непривлекательны — это приземистые, барачного типа постройки; по торцам — маленькие верандочки, через них — вход в квартиры, состоящие из трех маленьких комнат. Дом, видимо, проектировался для лесных поселков, в нем ни грамма от архитектурной эстетики, от северорусского национального стиля, а главное, в нем не чувствуется основательности, капитальности, расчета на долговечность (а ведь обшитый тесом рубленый дом может простоять сто и даже более лет!).

За четыре последних года колхоз построил 6 таких домов. И хотя они похожи на временки, все же на центральной усадьбе прибавилось еще 12 хозяйств, и на сегодняшний день их стало здесь 55. Остальные 371 хозяйство находятся пока на своих местах в 43 деревнях, раскиданных по всей территории колхоза.

Не все хозяйства, вероятно, будут переезжать в центр, потому что не в каждом из них есть трудоспособные (из 1147 человек, числящихся в колхозе, трудоспособных только 306, а пенсионеров 411), но большинство все же должны будут переехать.

По генеральному проекту центральный поселок колхоза имени Ленина будет иметь несколько домов и в кирпичном исполнении, правда, небольших: один 12-квартирный, один 8-квартирный и два 4-квартирных, в общей сложности на 28 квартир.

Такой дом (8-квартирный) мне довелось посмотреть в колхозе «Приволжье» Ярославской области. Построили его там несколько позже, чем улочку небольших щитовых домиков («завезли откуда-то из Архангельска»), но интересно, что, как и в «Дубках», никто в кирпичный дом не рвется. И, наоборот, любой, если бы предложили, переехал из 8-квартирного дома в отдельный, хотя, повторяю, что это всего лишь небольшой щитовой домик. Интересно, чем он привлекает селян? Видом? Но какой же у него вид?! Обшитый вагонкой «теремок» с двумя окнами по фасаду. Окна без привычных для деревни наличников, отчего дом кажется подслеповатым. Немножко веселит его небольшая веранда, рябинка под окном... И все.

Но перед домом и сзади него — огород или приусадебный участок размером 48 соток. Нашлось на этом участке место и для овощей, и для ягодных кустов, и даже для клевера: хозяин держит корову.

Сарайка — сзади дома, за огородом. Она разгорожена пополам: в одной половине корова, поросенок, куры, в другой — кладовая, в которую свалено все, что в старом крестьянском доме хранилось на чердаке, в чулане, на повети, в том числе обязательные для деревни березовые веники.

Дом, небольшой снаружи, кажется довольно просторным внутри: три комнаты и кухня. Это, видимо, потому, что русская печь, обязательная в старом деревенском доме, здесь заменена небольшой «столбнячкой» с плитой и духовкой. Отопление паровое. «Котельная», если можно так назвать небольшую железную печку с идущими от нее трубами, расположена на кухне, где, кстати, нашлось место и для холодильника...

— А где вы храните картофель и овощи? — спрашиваю хозяина С. Ф. Кантонистова.

— А вот... — Сергей Фомич чуть отступил в сторону (мы стояли в прихожей) и приподнял квадратный щиток. — Все там... — И добавил: — Нельзя пока что деревенскому жителю без погребка.

Нельзя. А по проекту домики эти должны были стоять на кирпичных столбиках, очень низко над землей. Погреба, таким образом, не планировались. Колхозники подивились такому проекту, посокрушались и решили сделать по-своему: поставили дома на фундаменты, да повыше, чтобы не на карачках под полом ползать...

— Ну, а где держат капусту и огурцы те, что в кирпичном доме живут?

— А кто где... На лестничных площадках, в сарайках...

Сергей Фомич явно невысокого мнения о восьмиквартирном доме и убежден, что его дом лучше. Единственно, что плохо, — это вынесенный на улицу туалет. «Для себя бы планировали, — упрекает он архитекторов, — наверное, придумали бы что-то... Сосед мой, видите, уже придумал, к веранде пристроил, и не скажу, что плохо...»

Попрощавшись с С. Ф. Кантонистовым, идем с секретарем парткома колхоза А. М. Проничевой в восьмиквартирный дом. Интересно все же, как там... Зашли в квартиру на нижнем этаже. Первое, что бросилось в глаза, — это железная печка-временка с толстой ржавой трубой под потолком. Оказывается, батареи зимой еле дышали... И во всех восьми квартирах обогревались с помощью вот таких блокадных «буржук».

На кухне, и без того маленькой, сложена печка-плита. «Пойло корове готовим», — пояснила хозяйка...

И так во всех квартирах.

Помещение для скота — кирпичный сарай под односкатной крышей — здесь почему-то оказалось почти напротив подъезда, в промежутке между домом и коллективным огородом. Навоз из-под коров кучами набросан напротив каждой из восьми дверей сарая... Вот и еще одна проблема.

И я — в который раз — задаю себе вопрос: какой же дом лучше для селянина? И все больше склоняюсь к тому, что лучше все же одноэтажный (пусть даже двухквартир-

ный!), с огородным (садовым) участком возле него. Это, на мой взгляд, два обязательных, основополагающих требования к жилью селянина.

Что касается отопления, водопровода, канализации — желательно!.. Но если их нет — тоже не беда. Центральное отопление вполне можно заменить индивидуальным (паровым, электрическим), водопровод — колодезем и элементарным электронасосом, ванну — общественной баней с парилкой и душем...

Хорошо бы, конечно, иметь канализацию. Но давайте на минуту представим себе, что все новые села в ближайшие 2—3 года начнут проводить канализацию и, тогда уж обязательно, и водопровод? Хватит ли у нас для такой огромной стройки оборудования? Ну, хотя бы тех же труб?

Короче говоря, решая принципиальные вопросы сельского строительства, мы должны мыслить реально, не отрываться от земли как в прямом, так и в переносном значении этих слов. Поэтому мне особенно приятно было узнать, что проект одноэтажного на две квартиры дома уже существует — снимок этого дома я видел в Ярославле. Дом будет собираться из готовых блоков, производство которых должно быть освоено в ближайшие годы специальными домостроительными комбинатами.

Хорошо, что такие комбинаты планируются и будут построены. Но ни в Вологде, ни в Ярославле никто даже словом не обмолвился, что наряду с такими комбинатами будут пущены в дело деревообрабатывающие заводы, рассчитанные на производство домов из деревянного бруса. Не таких, какие я видел в колхозе имени Ленина, а более просторных, красивых внешне. Уверен, что спрос на добротные вполне современные деревянные дома был бы практически неограниченным. Да и кому, как не Вологде и Ярославлю, строить деревянные дома, где столько леса! Но, поскольку производство типовых деревянных домов пока не налажено, может быть, стоит предложить селянам, строящимся на новом месте, несколько (на выбор!) проектов рубленого дома, в котором были бы учтены как традиционные особенности уклада сельской жизни, так и современные возможности (паровое отопление, электричество, газ, новые отделочные материалы и т. п.).

К сожалению, таких проектов нет. В кирпичном исполнении — пожалуйста... Но кирпич — огромный дефицит. В Белозерском районе даже домов культуры кирпичных только два из 9, а клубы — все 46 — деревянные, как, впрочем, и школы, детсады, больницы, магазины, столовые, дома быта...

Говоря все это, я отнюдь не отвергаю блочные дома. Но попробуйте-ка завезите по бездорожью эти блоки в отдаленные районы! Деревянные брусья все-таки легче. А главное, завод, производящий их, скорей можно пустить в дело, да и строить он будет дешевле, чем завод железобетонных блоков.

Найдутся, наверное, хозяйства, которые все же будут строить многоквартирные дома: дешевле и быстрее... Но разумно ли? Кстати, и зарубежный опыт тоже говорит в пользу индивидуальных домов (коттеджей). Да и у нас, в средней полосе России, колхозники строят себе, как правило, одноэтажные, теперь чаще кирпичные дома.

Смотришь, как они утопают в садах, и радуешься: хорошо! Так и должен жить селянин. В этом его преимущество перед горожанином. И пусть он на здоровье пользуется им!

«Многоэтажными домами, — сказал мне один ярославский журналист, — мы окончательно убьем в крестьянине крестьянина». Его опасение мне кажется не безосновательным. В самом деле, многоэтажные блоки волей-неволей подталкивают селян к городскому типу жизни — не только с точки зрения культуры (что, несомненно, хорошо!), но и с точки зрения ее уклада, быта. Неудобно с пятого этажа таскаться к корове, к поросенку, к овцам, ну и ладно, и не станем заводить их. Будем покупать молоко в магазине, благо колхоз продает его по потребности. Хуже с мясом, но если не поленишься, съездить в город, то...

В колхозе «Родина», в совхозах «Красная Звезда» Вологодской и «Дубки» Ярославской областей, как о чем-то решенном самой жизнью и не подлежащем обсуждению, говорят о том, что «молодежь не хочет держать коров и не будет держать их...». Речь идет о той самой молодежи, которая живет уже в пятиэтажных домах.

Руководители этих хозяйств такое настроение молодых считают вполне нормальным. А нормально ли? Давайте посмотрим на него с разных точек зрения. С воспитательной, например. Скажите, разве человек (особенно подросток) не становится нравственно выше, совершенней, если он вырастит живое существо — теленка, например, или ягненка, поросенка?.. Человеку доставляет радость даже обыкновенный огурец, обыкновенный помидор, куст смородины, за которым он ухаживал с первого зеленого росточка, а тут — бычок с белой звездочкой во лбу, смешно взбрыкивающий на не окрепших еще ножонках...

Ну, что это за селянин, если он не будет знать такой и подобной ей радости? Окружающая природа человеку открывается глубже при активном, деятельном, а не со-

зерцательном, не потребительском к ней отношении. Преображая ее, умножая ее богатства, человек преобразуется и сам, становится богаче.

И, кроме того, ведь мы хотим, чтобы наши дети не были белоручками, чтобы, став взрослыми, они не боялись никакой работы. Правда, в этом благородном желании мы порой целиком полагаемся на школу, на ее «уроки труда». Но что может быть лучше ежедневных «уроков» на своем дворе, огороде, садовом участке? Ведь эти уроки неопценимы еще и с воспитательной точки зрения. В. А. Грибанов, секретарь Вологодского обкома КПСС, Герой Социалистического Труда, сказал по этому поводу: «Подросток, выросший с вое дерево, никогда не сломает выращенное другим. А если дерево не сломает, то и на человека руку не подымет». С этим нельзя не согласиться.

«Молодежь не хочет...» — повторяли мне как факт, с которым, дескать, ничего уже не поделаешь. А, собственно, почему? Молодежь есть молодежь. Как ее воспитаешь, чему научишь — такой она и будет. Для страны, по крайней мере, сейчас было бы куда легче, если бы каждая сельская семья в отношении молока, молочных продуктов и мяса рассчитывала не только на магазин. Можно себе представить, сколько потребуются построить в колхозах и совхозах дополнительно животноводческих комплексов, если все селяне пойдут за молоком и мясом в магазин. А они уже идут. И горожане это все больше ощущают.

Я обращаю внимание на этот факт потому, что он имеет прямое отношение к жилищному строительству на селе. Селянин, кем бы он ни был — механизатором, животноводом, агрономом, счетным работником, служащим, — должен оставаться селянином, не отрываться от земли, выращивать не только картошку, но и фрукты (яблони прекрасно чувствуют себя и у нас, на Вологодчине!), держать корову (проблема сена должна быть, наконец, решена) или хотя бы овец, или поросенка (по крайней мере, кухонные отходы не надо будет, как в городе, выбрасывать в помойку). А раз это так, то и жить селянин должен не в пятиэтажном доме, а в одноэтажном, с прилегающим к нему приусадебным участком.

И еще об одной, очень важной проблеме в связи со строительством нового села — о дорогах...

Конечно, было бы хорошо, если бы все эти села (по идее — центры колхозов и совхозов) были связаны с районными городками асфальтовыми или хотя бы грейдерными дорогами. Когда-то, наверное, так и будет. Но сейчас... сейчас пока даже сами эти городки не имеют выходов на асфальт, веду-

щий к областному городу. И тем не менее машины ходят. И не только летом, когда грунтовые дороги подсыхают, но и весной, и осенью, когда непролазная грязь, и зимой, когда сугробы... По старинке, сельские дороги навывлет «простреливают» деревни и села. И кто ни разу не видел деревенскую улицу в пору бездорожья, ранней весной или глубокой осенью, тот при всей своей фантазии не сможет представить ее, как говорят, в натуре. Взрослому человеку, если он не в резиновых броднях, улицу не перейти, а детей и выпустить страшно — утонут...

Когда деревня ездил на телегах, эта беда не была столь страшной: колея от тележного колеса не то, что от скатов машины или колес и гусениц трактора... Но теперь-то, при такой-то технике! Старой улицы ей явно не хватает. В поисках хоть какой-нибудь возможности проехать тракторы и машины лезут к самым измам, сворачивают углы, вминают в грязь палисады... Неприглядная картина, что и говорить.

Невольно напрашивается мысль: улицы новых сел надо асфальтировать в первую очередь или... Боюсь даже сказать: или прокладывать дороги в объезд новых сел. Пока такого случая я не знаю, потому так робко и говорю об этом. Но уверен, что жизнь заставит нас поступать именно так. Ну, а пока следовало бы руководителям хозяйств ввести хоть какие-то ограничения в передвижении сельскохозяйственной техники по деревенским улицам. Сейчас об этом никто даже и не задумывается, тем более что ни в одну графу отчета благоустройство деревенской улицы пока не включено.

А механизаторы, которые больше всех улицу корежат, на свой трактор смотрят порой как на личную лошадку: отработал в поле смену — и домой, под самое крыльцо. Ну, а если захотелось выпить, а бутылки в запасе не оказалось, опять же гонят трактор, будь до магазина хоть десять километров.

И дело тут не только в несознательности трактористов, а еще и в том, что нет возле деревень гаражей или хотя бы элементарных навесов с хорошими подъездами к ним, с минимальными удобствами для ухода...

Вот и корежат деревенскую улицу тракторы и машины. А если бы они останавливались у околицы?! Совсем бы иначе выглядели улицы. На них, может быть, травка росла бы. Пройтись по ней — одно бы удовольствие. А справа и слева — за домами — сады бы зеленели, огороды...

Таким в перспективе и должно быть наше новое — социалистическое — село.

Июнь 1974 г.
Вологда—Ярославль—Москва.

«Наш современник», 1975, № 1.